

Голосъ Московскаго святителя Филарета въ защиту православнаго церковнаго пѣнія.

I.

Въ настоящее время подъ именемъ церковнаго пѣнія существуетъ множество различныхъ мотивовъ и такъ называемыхъ духовно-музыкальныхъ произведеній. Разнообразіе въ характерѣ этихъ произведеній и свобода, съ которою они употребляются за христіанскимъ богослуженіемъ, людей истинно церковныхъ приводятъ въ смущеніе, а людямъ, равнодушнымъ къ церкви, прививаютъ взгляды на храмъ Божій не какъ на мѣсто молитвы и общенія съ Богомъ, а какъ на мѣсто развлеченія, гдѣ изысканное гармоническое пѣніе нѣжитъ и ласкаетъ слухъ. Храмъ Божій не мѣсто для развлеченія, а нѣжитъ и ласкаетъ слухъ вовсе не входитъ въ задачу церкви и храма. Посему вопросъ о церковномъ пѣніи требуетъ внимательнаго разсужденія: всегда ли было въ православной русской церкви такое разнообразіе въ пѣніи и если не всегда, то когда именно оно привзошло въ церковь, по какимъ побужденіямъ и съ какимъ характеромъ Богослужбное пѣніе есть собственно церковное преданіе, которое въ Русской церкви началомъ своимъ скрывается во тьмѣ вѣковъ X, XI и XII го и можетъ быть опредѣлено, какъ истинно церковное пѣніе, сколько по письменнымъ памятникамъ позднѣйшаго времени, столько же и по своему характеру. Опредѣлить характеръ церковнаго пѣнія возможно лишь тогда, когда развита способность понимать и чувствовать духъ церковности и отличать истинно церковное направленіе отъ нецерковнаго. Такой способности въ вѣкахъ

минувшихъ должно искать у отцовъ и учителей церкви, а въ наши дни—ближе всего въ людяхъ, которые, при широтѣ своихъ взглядовъ и глубинѣ образованія, въ своей жизни и дѣятельности заявили себя истинно церковными людьми. Счастлива Русская церковь, что имѣла такого человѣка, истиннаго стража церкви: это былъ митрополитъ Московскій Филаретъ. Трудно указать такую сторону церковной жизни, на которую не простирался бы взглядъ мудраго Московскаго Святителя. Между другими предметами и церковное пѣніе не разъ останавливало на себѣ его вниманіе. Въ собраніи мнѣній и отзывовъ сего святителя, а также и въ его письмахъ къ близкимъ лицамъ, находится очень много драгоценныхъ сужденій его о томъ направленіи въ церковномъ пѣніи, которое еще при его жизни прокрадывалось въ церковь и которое въ наши дни далеко шагнуло за границу церковности. Цѣль настоящей статьи представить эти отзывы въ связи съ краткой исторіей церковнаго пѣнія на Руси и съ точки зрѣнія ихъ оцѣнить существующее нынѣ въ нашихъ храмахъ партесное пѣніе.

Несомѣнно, что на Руси нѣкоторое время было пѣніе греческое, принесенное изъ Греческой церкви вмѣстѣ съ текстомъ первыми просвѣтителями Руси христианствомъ—греческими священниками и клиромъ. Народъ любилъ это пѣніе и даже усвоилъ нѣкоторыя пѣснопѣнія по гречески съ неизбѣжной, конечно, при этомъ передѣлкой иностранныхъ словъ на свой манеръ. Такъ въ Ипатіевской лѣтописи разсказывается о походѣ Великаго Князя Кіевскаго, Всеволода 2-го Ольговича, на Галицкій городъ Звенигородъ въ 1146 году: „въ третій же день прѣступиша вен вон ко граду, но зорямъ бишася до поздньоѣ вечернѣ и зажгоша городъ въ трехъ мѣstechъ; гражане же, Божнею помощію, угасиша. Богъ же и Святая Богородица избави городъ отъ лютыя рати: и възваша *курии елисонъ*, съ радостію великою хваляще Бога и Пречистую Его Матерь“ ¹⁾. Тоже самое пѣло цѣлое войско Кіевское послѣ побѣды надъ Юріемъ Долгорукимъ въ 1151 г., когда сверхъ ожиданія напало живымъ своего любимаго князя Изяслава 2-го: „Изяславъ рече: азъ Изяславъ емь, князь вашъ и сня съ себе шеломя, и позна и: и то слы-

¹⁾ Ипат. лѣт., изд. Археогр. ком., стр. 228.

шавше мнози, и въсхитица и руками своими с радостью, яко царя и князя своего, и тако възваша „*хирелъисонъ*“ вси полцы радующеса“ ¹⁾). Здѣсь достойно примѣчанія то обстоятельство, что церковныя пѣноиѣнія дѣлаются достояніемъ цѣлаго народа. Кромѣ Греціи церковныя пѣнѣвы несомнѣнно пришли къ намъ еще и отъ Болгарскихъ славянъ, отъ которыхъ Русская церковь приняла свои богослужебныя книги. „Было бы весьма странно, говорить прот. Вознесенскій, еслибы дунайскіе славяне, сообщивъ русскимъ богослужебныя книги и установившійся у нихъ порядокъ самаго богослуженія, не сообщили имъ церковныхъ пѣнѣвовъ или еслибы русскіе, находясь вначалѣ подъ непосредственнымъ управленіемъ греческихъ пастырей, не усвоили ихъ пѣнѣвовъ“ ²⁾). Изъ этихъ двухъ источниковъ церковныя пѣнѣвы перешли къ намъ устно, а, быть можетъ, и письменно въ видѣ пѣвческихъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ греки и дунайскіе славяне изображали звуки свойственнымъ имъ образомъ. До насъ не дошли подобныя книги, быть можетъ, и потому, что въ началѣ онѣ были не особенно нужны русскимъ, которые, благодаря замѣчательной музыкальной восприимчивости, скоро и хорошо воспринимали пѣнѣвы и твердо ихъ помнили. Главное достоинство этого пѣнія заключалось въ томъ, что съ нимъ перешло къ намъ то осьмогласіе, которое незадолго передъ тѣмъ получило въ Греческой церкви окончательную обработку и было приведено въ систему великимъ сладкопѣвцемъ Православной восточной церкви Іоанномъ Дамаскинскимъ (почилъ въ 777 году). Эти осьмогласныя пѣнѣвы, получившіе нѣкоторое развитіе и въ Греческой церкви вскорѣ послѣ Іоанна Дамаскина, еще болѣе развились и оразнообразились на Русѣ по особенной любви русскаго народа къ церковному пѣнію ³⁾). Конечно, это развитіе совершалось не научнымъ какимъ либо способомъ, не имѣло какой либо опредѣленной metody,—оно совершалось по законамъ безсознательнаго народнаго творчества. Новопросвѣщенный святою вѣрою народъ отдался религіи со всею жаромъ своей простой души и религіозной жизни посвятилъ свои лучшія

¹⁾ Тамъ же, стр. 303.

²⁾ О церк. пѣн. Грек. Росс. Цер. И. Вознесенскаго, стр. 182.

³⁾ См. Вознесенскаго о церк. пѣніи, стр. 67.

силы, а свои музыкальныя способности употребилъ на усвое-
 ние и расширеніе принятаго отъ Греческой и Болгарской
 церквей церковнаго пѣнія. Не измѣняя основного характера
 принятыхъ напѣвовъ, народъ оразнообразилъ ихъ и своими
 родными звуками, которые есть у каждаго народа. Поэтому
 церковныя напѣвы Русской церкви можно назвать созданіемъ
 народа: творцомъ ихъ были цѣлыя поколѣнія. Недаромъ они
 и сдѣлались такъ дороги русскому народу: и въ радости и
 въ горѣ онъ любитъ и любить утѣшать себя церковными
 пѣснопѣніями, а въ годину лихолѣтья—татарщины ухо-
 дилъ пѣть ихъ въ дремучіе лѣса (Достоевскій). Самъ же
 народъ создалъ и тотъ способъ сохраненія напѣвовъ, бла-
 годаря которому они дошли и до нашихъ дней. Когда рус-
 ское церковное пѣніе развилось и оразнообразилось, и когда
 явилась охота и побужденіе къ записи церковной мелодіи,
 то ни греческихъ, ни болгарскихъ знаковъ не хватило для
 записи церковныхъ русскихъ напѣвовъ, въ дополненіе къ
 нимъ пришлось изобрѣсти свои собственные знаки, изъ ко-
 ныхъ и образовалась русская крюковая система записи цер-
 ковныхъ мелодій. При множествѣ знаковъ, входящихъ въ нее,
 эта система имѣетъ то достоинство, говоритъ прот. Вознесен-
 скій, что „крюковая нотация, кромѣ означенія голосовыхъ
 движеній по ритму и относительной высотѣ и длительности
 звуковъ, еще выражаетъ вполне точно и въ высшей сте-
 пени наглядно внутреннія основанія построенія напѣва, от-
 дѣльныя напѣвки и даже своеобразные оттѣнки исполненія.
 При такой тѣсной связи мелодики, ритмики и выраженія
 музыкальная крюковая редакція отличается замѣчательною
 устойчивостію и въ исполненіи и въ письменномъ изложеніи.
 Пѣвческія рукописи безусловно доказываютъ, что знаменитый
 роспѣвъ съ давнихъ поръ и до сего времени сохранился
 безъ измѣненій въ своихъ основаніяхъ, но съ постояннымъ
 прогрессомъ въ средствахъ своего выраженія“¹⁾. Эти самыя
 потныя крюковыя рукописи въ 1772 г. были переведены по
 благословенію Св. Синода въ квадратную церковную ноту.
 Древнее церковное пѣніе, заключающееся въ крюковыхъ
 потныхъ рукописяхъ и въ печатныхъ синодальныхъ изда-
 ніяхъ, по тщательномъ изслѣдованіи знатоковъ церковнаго

¹⁾ О церк. пѣвн. И. Вознесенскаго, стр. 192—193.

пѣнія (напр. Н. Поголова), въ тождественныхъ по названіямъ напѣвахъ не имѣеть никакой существенной разницы ¹⁾. Строгая гласовая мелодія церковныхъ распѣвовъ, изложенная въ этихъ изданіяхъ, по замѣчанію о. прот. Д. Разумовскаго, служить единственно вѣрнымъ руководствомъ для церковнаго клироса. Она вполне соотвѣтствуетъ и церковной древности и предписаніямъ церковнаго устава и потому должна быть бдительно охраняема. Древнее церковное пѣніе въ изданіяхъ синодальной типографіи есть 1) драгоценный памятникъ церковной древности, сохранившійся въ Русской церкви отъ начала христіанства въ Россіи; 2) бывъ ознаменовано характеромъ спокойной важности и умиленія, оно по свойству своему пріятно благочестивому слуху и привычно православному народу, которому итальянское пѣніе представляется страннымъ для церкви; 3) пѣніе сіе и единовѣрцамъ и раскольникамъ не даетъ повода къ пререканіямъ и привлекаеть ихъ къ церковному богослуженію ²⁾.

До 18-го вѣка русская великороссійская церковь свободно пользовалась своимъ древнимъ достояніемъ въ области церковнаго пѣнія и, не смотря на большое разнообразіе прившедшихъ въ нее съ юга въ 16 и 17 вѣкахъ новыхъ церковныхъ напѣвовъ (кіевскій, болгарскій, греческій), неизмѣнно сохранила его и донесла до записи въ концѣ 18-го вѣка всеѣмъ понятной и простой квадратной нотой. Въ этомъ отношеніи великороссійская церковь была много счастливѣе своей сосѣдки церкви Западно-русской, напр. Холмской Руси. Въ 1596 г. Брестская унія подчинила западнорусскую церковь Риму. Началась борьба за національность и вѣру. Немало пострадали въ этой борьбѣ и церковные напѣвы. Подъ давленіемъ возбужденнаго религіознаго фанатизма многіе напѣвы грековосточнаго склада перестали употребляться, какъ порожденіе ненавистной схизмы, а потомъ были забыты народомъ и утеряны для исторіи ³⁾. Чуждая право-

¹⁾ Подробному разбору этого вопроса посвящена Вознесенскимъ самая лучшая глава его сочин. о церк. пѣніи, § 14, стр. 179 до конца.

²⁾ Теорія и практика цер. пѣнія. Разумовскаго стр. 40 и 41. См. также Собр. мѣн. и отвѣв. митр. Филарета т. III, стр. 284.

³⁾ Народно-церков. напѣвъ Холмской Руси. Богосл. вѣстн. 1910 г., ст. Витошинскаго, стр. 486—487.

славной церкви западная музыка вытѣснила въ Холмщинѣ древній знаменный пѣнъвъ. Красивая музыка новаго пѣнъя, составленная по вѣмъ правиламъ свѣтскаго искусственнаго пѣнъя, конечно, прельщала собою слухъ, но была и навсегда останется чуждою народу, какъ не его порожденіе.

Искушеніе со стороны свѣтской музыки пришло въ 18 вѣкѣ и въ великороссійскую церковь, но пока оно не касалось древняго достоянія этой церкви въ церковныхъ пѣнъвахъ, оно не было опасно и прошло, такъ сказать, мимо и церкви и народа.

Во 2-й половинѣ 18 вѣка, въ блестящее царствованіе Екатерины Великой, приглашены были въ Россію изъ Западной Европы многіе иностранные капельмейстеры ¹⁾: Цоппиусъ, капельмейстеръ комической итальянской оперы, — Галуппи, сочинитель комическихъ оперъ, — Сарти и мн. другіе. Хотя вѣ они были приглашены собственно для театра, но ихъ старались привлечь вельможи двора Екатерины и къ церковной музыкѣ, вѣроятно, думая воспользоваться ихъ музыкальнымъ авторитетомъ. Къ счастью великороссійской церкви эти оперные капельмейстеры не интересовались древнимъ гласовымъ церковнымъ пѣніемъ и, оставивъ его въ покоѣ, сочиняли свою музыку на разные церковные мотивы, преимущественно на псалмы Давидовы. Эти пѣспопѣнія имѣли одинаковый стиль съ принесенной сочинителями съ Запада свѣтской музыкой — стиль итальянскій, вѣ они въ формѣ концертовъ. Новое церковное, или введенное въ церковь пѣніе, нашло себѣ много покровителей среди Петербургской знати, а вскорѣ имъ заинтересовались и русскіе пѣвцы и музыканты. На этомъ пѣніи воспитались и развили свои таланты русскіе церковные композиторы: Березовскій — ученикъ Цоппиуса, Бортиянскій — ученикъ Галуппи, Ведель и Дехтяревъ — послѣдователи Сарти. И стиль и форма ихъ церковно-музыкальныхъ произведеній та же, что и у ихнихъ учителей. Все различіе отъ послѣднихъ состоитъ въ томъ, что они, какъ русскіе люди, хорошо знавшіе и понимавшіе смыслъ церковнобогослужебныхъ пѣсней, старались согласить свою музыку съ этимъ текстомъ. Ихъ музыка по красотѣ не уступаетъ музыкѣ учителей, въ ней подчасъ

¹⁾ Церков. пѣніе въ Россіи. Д. Разумовскаго, стр. 224.

много задушевности, много чувства. Однако къ нимъ, по нашему глубокому убѣжденію, вполне приложимъ стихъ Лермонтовской молитвы: „и часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ я, Боже, не Тебѣ молюсь“¹⁾. Область пѣнія, какъ и вообще музыки, очень широка: въ ней можно изобразить и красоты природы и даже самую безчувственность ея, можно нарисовать все разнообразіе жизни души человѣка, въ особенности души страстной, мятежной съ ея радостями и горями. Въ музыкѣ иногда дѣйствительно плачетъ душа человѣческая, но поставить подъ плачущимъ музыкальнымъ аккордомъ умилительныя слова церковной пѣсни, напр. молитвы о покаяніи, еще не значить выразить скорбь души человѣка о своей грѣховности, а лишь просто только выразить скорбь, которая легко можетъ быть отнесена и къ обыкновеннымъ жизненнымъ трагедіямъ, напр. неудачѣ въ предпріятіи, въ любви, къ измѣнѣ, ревности и другимъ явленіямъ совершенно нерелигіознаго характера. Поэтому-то духовно-музыкальныя произведенія концертнаго характера, италянскаго стиля, могутъ трогать душу слушателя, могутъ умилить ее, даже вызвать слезы, но нерелигіозныя. Подобное пѣніе не способно повести къ христіанскимъ подвигамъ, къ дѣйствительному сокрушенію о грѣхахъ, къ измѣненію жизни и дѣятельности: это потому, что здѣсь слишкомъ много звуковъ грѣшныхъ пѣсенъ, которыми не Богу молится человѣкъ, а часто самому себѣ. Эти звуки не ведутъ къ Богу, а заслоняютъ собою Бога: чтобы пройти къ Нему, надо отъ нихъ совершенно освободиться по слову поэта:

Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
 Пускай, Творецъ, освобожусь;
 Тогда на тѣсный путь спасенья
 Къ Тебѣ я снова обращаюсь²⁾.

Введенное въ употребленіе при христіанскомъ православномъ богослуженіи пѣніе имѣетъ значеніе не само по себѣ, а лишь въ отношеніи къ тексту церковныхъ молитвъ. „Духъ Святой зналъ, пишетъ св. Василій Великій, что родъ человѣческій трудно вести къ добродѣтели, и что, по склонности къ удовольствіямъ, мы не радимъ о правомъ пути. и такъ

¹⁾ Собр. соч. Лермонтова, общед. изд. Анскаго, стр. 288.

²⁾ Соч. Лермонтова, тамъ же.

что же дѣлаетъ? Къ ученіямъ примѣшиваетъ пріятность сладкопѣнія, чтобы вмѣстѣ съ усладительнымъ и пріятнымъ для слуха принимали мы непримѣтнымъ образомъ и то, что есть полезнаго въ словѣ“¹⁾. Какого рода пріятность сладкопѣнія разумѣлъ святой Отецъ, видно изъ его же словъ, когда онъ говоритъ объ установленныхъ имъ самимъ родахъ пѣнія: вставая отъ молитвы, народъ становится на псалмопѣніе. Раздѣлясь на двѣ стороны поютъ попеременно“... Или „одинъ начинаетъ пѣть, а прочіе подпѣваютъ“... Или „одними устами и однимъ сердцемъ поютъ всѣ“²⁾. Это пѣніе антифонное, пѣніе ипофонное и пѣніе общее — все просто, безыскусственно. Насколько такое пѣніе хорошо въ церковномъ смыслѣ, насколько оно отвѣчаетъ своему назначенію, видно изъ того, что этого именно пѣнія заслушался врагъ Святителя Василия, императоръ аріанинъ Валентъ³⁾. Не простая ли также церковная пѣснь воодушевляетъ перѣдко христіанскихъ воиновъ въ битвѣ со врагами? Покажите подобное дѣйствіе концертной музыки съ ея обширной областію звуковъ. Вотъ почему великій вдохновенный пѣспопѣвецъ Восточной православной церкви, Іоаннъ Дамаскинъ, главный установитель церковнаго пѣнія, для этого пѣнія ограничилъ богатую и обширную область греческой языческой музыки лишь нѣсколькими звуками въ самомъ простѣйшемъ ихъ сочетаніи, чтобы музыка лишь служила тексту, а не стремилась встать на его мѣсто. „Не должно нѣжить сладкогласіемъ гортань и уста, пишеть блаженный Іеронимъ, чтобы не были слышны въ церкви театральныя голосоизмѣненія и пѣсни, но должно пѣть со страхомъ и умиленіемъ. Рабъ Христовъ долженъ пѣть такъ, чтобы пріятны были произносимыя слова, а не голосъ поющего“. Съ этой точки зрѣнія (а намъ думается, что иной и не можетъ быть въ церковномъ пѣніи) появившіеся съ конца 18-го вѣка въ русской церкви новые сочинители церковныхъ напѣвовъ не могутъ быть признаны церковными пѣснопѣвцами: ихъ музыка совершенно нецерковнаго ха-

1) Историч. обзор. пѣсноп. прав. цер., Филаретъ, арх. черниг., стр. 105—125.

2) 63-е посл. къ Неокес., т. III., л. 36.

3) Историч. обзор. пѣсн., Филарета, стр. 106.

рактора. Къ чести ихъ должно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ и сами это сознавали и чувствовали. Въ 1798 году Ведель исполнялъ въ Кіевѣ два четырехголосныхъ своихъ концерта „Боже законопреступницы востани на мя“ и „Ко Господу внегда скорбѣти ми“—и остался ими недоволенъ. Онъ писалъ, что весьма недоволенъ тѣмъ, что они не могли его тронуть, ибо ничего того не могли выразить, что тамъ изображено ¹⁾.

Что касается старинныхъ подлинныхъ церковныхъ пѣнъ-вовъ, заключенныхъ въ 1772 г. въ Синодальныя нотныя книги, то изъ вышеупомянутыхъ композиторовъ одинъ только Бортиянскій коснулся ихъ и своимъ трудомъ открылъ новую эпоху въ церковнобогослужебномъ пѣніи: кажется, онъ первый сдѣлалъ попытку сблизить простую церковную мелодію съ гармоническимъ ея изложеніемъ въ итальянскомъ стилѣ и тѣмъ положилъ начало переложеніямъ церковной мелодіи въ четырехголосную гармонию. Вскорѣ за нимъ явились подражатели переложений, явилось даже нѣсколько направлений въ этихъ переложеніяхъ. Направленіе самого Бортиянскаго характеризуется тѣмъ, что онъ изъ церковной книги бралъ мелодію не въ чистомъ ея видѣ, а одни лишь основныя ноты, оставляя второстепенныя, но, какъ гениальный музыкантъ, дѣлалъ это гениально, т. е. сохранилъ въ своихъ переложеніяхъ церковно-умилительный характеръ пѣснопѣнія. Малочисленность сдѣланныхъ имъ переложений свидѣтельствуетъ о несомнѣнной трудности этого дѣла и объ осторожности сочинителя. Вслѣдъ за Бортиянскимъ перелагателемъ, самымъ плодовитымъ по количеству сдѣланныхъ имъ переложений, явился прот. Турчаниновъ. Онъ старался сохранить церковную мелодію во всей ея цѣлости, но, принадлежа къ направлению, которое стремилось подчинить мелодію, такъ называемому, симметричному ритму, по необходимости во многихъ мѣстахъ долженъ былъ измѣнить ее. Такое разнообразіе направленій въ переложеніяхъ церковныхъ мелодій могло повести, какъ потомъ отчасти и повело, къ искаженію древняго церковнаго пѣнія, этого драгоценнаго наслѣдія Русской церкви отъ лѣтъ древнихъ. Каждый перелагатель смотрѣлъ на переложенія со

¹⁾ Церк. пѣніе въ Россіи. Разумовскаго, вып. 2-й, стр. 228.

своей точки зрѣнія и творить, что хотѣлъ, по своему понимая цѣдность церковнаго напѣва въ его переложеніи. Отсюда возникла забота о сохраненіи цѣдности, единства и древности церковныхъ напѣвовъ во многоголосныхъ переложеніяхъ ихъ. Переложенія дѣлались какъ со знаменнаго, такъ и съ другихъ церковныхъ напѣвовъ, и даже съ такъ называемыхъ напѣвовъ мѣстныхъ. О послѣднихъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Кромѣ напѣва знаменнаго въ Великороссійской церкви существуютъ, какъ было замѣчено и выше, и другіе напѣвы, которые частію вошли въ Синодальныя нотныя изданія 1772 г., а частію остались невнесенными и существовали и существуютъ по преданію въ той или другой мѣстности. Всѣ эти напѣвы исполнѣ церковны, потому что движутся въ той же самой области звуковъ и въ тѣхъ же ладахъ, какъ и древній знаменный напѣвъ. Представляютъ они изъ себя ничто иное, какъ практику помѣстныхъ церквей: великороссійской (малый знаменный напѣвъ), малороссійской (кіевскій напѣвъ), восточной (греческій напѣвъ), придунайскихъ славянъ (болгарскій напѣвъ). Эти напѣвы внесены въ синодальныя нотныя изданія 1772 года. Но каждая народность, каждая страна или даже область имѣетъ свою народную музыку, которая при принятіи страню христіанства должна была встрѣтиться съ церковнымъ цѣніемъ и войти въ послѣднее, придавъ ему своеобразный характеръ. Отсюда и родились мѣстные церковные напѣвы, которые то приближаются къ пяти вышеупомянутымъ основнымъ напѣвамъ, то отдаляются отъ нихъ. Такъ явились напѣвы епархій—Московской, Владимірской, Костромской, Вятской, или напѣвы монастырей—Симонова, Донского, Валаамскаго, Троице-Сергіевой Лавры (Аароновскій) и др. Начало этихъ напѣвовъ (мѣстныхъ) восходитъ, быть можетъ, къ глубокой древности,—быть можетъ, даже къ первымъ временамъ христіанства въ той или другой странѣ, когда пространный знаменный напѣвъ, встрѣтившись съ мѣстными народными напѣвами, окрасилъ ихъ характеромъ церковности и уступилъ имъ свое мѣсто въ богослуженіи будничномъ—обычномъ, самъ въ то же время оставаясь всегда, такъ сказать, главнымъ путемъ въ церковномъ цѣніи ¹⁾. Въ мѣстныхъ напѣвахъ мы, быть можетъ,

¹⁾ Не отсюда ли наименованіе знаменнаго распѣва путевымъ. Мнѣніе

имѣемъ драгоценный памятникъ Древнеславянской музыки, художественно воплотившей въ себѣ пѣніе христіанской церкви, принятое нами съ востока. Эти мѣстные напѣвы, не столь многочисленные въ 18 вѣкѣ, къ концу этого вѣка, а особенно въ первой половинѣ 19-го вѣка, до крайности оразнообразились особенно подъ вліяніемъ южно-русской католической музыки, уклоняясь иногда къ характеру нецерковному (вѣтскій напѣвъ). Такимъ образомъ порча угрожала и мѣстнымъ напѣвамъ. Святѣйшій Синодъ былъ озабоченъ разнообразіемъ, проникавшимъ въ церковное пѣніе, и въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія предписалъ— во всѣхъ епархіяхъ составить особые комитеты, которые должны были заняться потнымъ изложеніемъ напѣвовъ своей епархіи. По разсмотрѣніи этихъ напѣвовъ Святѣйшій Синодъ, указомъ отъ 30 сент. 1846 г. за № 12585, въ п. 2, предписалъ: „введенные съ давнихъ временъ *въ нѣкоторыя* церквяхъ, монастыряхъ и епархіяхъ древніе напѣвы оставить вездѣ безъ измѣненія; въ п. 3: „всѣмъ таковымъ составить списокъ съ показаніемъ, гдѣ какой употребляется, и хранить сей списокъ въ Св. Синодѣ, препроводивъ съ онаго копію къ состоящему нынѣ въ должности директора придворной пѣвческой капеллы А. Ф. Львову“¹⁾.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія стали появляться переложенія въ четырехголосную гармонию и съ обычныхъ— мѣстныхъ церковныхъ напѣвовъ, существовавшихъ въ разныхъ древнихъ русскихъ епархіяхъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ родѣ музыки былъ упомянутый г. Львовъ, выступившій съ новымъ направленіемъ въ переложеніяхъ, которое характеризуется, такъ называемымъ свободнымъ или несимметричнымъ ритмомъ. Онъ задался цѣлію распространить свои гармонизаціи для всеобщаго употребленія въ Русской церкви, присвоивъ придворной капеллѣ право контроля надъ пѣніемъ Русской церкви. Но на стражѣ церкви стоялъ тогда Преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ.

Свящ. А. Говорковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вознесенскаго, что онъ составленъ для дорожнаго отправленія службъ, кажется страннымъ. О церк. пѣніи, стр. 84.

¹⁾ Собр. мѣвній и отз. митр. Филарета т. III, стр. 335.